

...И В 105 РИСУЕТ ОН ОПЯТЬ

Завтра, 28 сентября 2005 года, карикатуристу Борису Ефимовичу ЕФИМОВУ исполняется 105 лет.
Когда я достал из сумки бутылочку красного вина «Кинзмараули», Борис Ефимович тут же погнал своего внука Виктора на кухню за штопором и бокалами. Помните, осенью прошлого года, в день своего 104-летия, знаменитый художник-карикатурист также не преминул выпить бокал грузинского вина. Как говорится, на здоровье!

Тверская, 13 - 2005 - 27 сент.

Наш разговор начался с того, что Ефимов сказал:

- Хочу предупредить, что есть вопрос, который мне задают уже много лет: почему я столько прожил и что я делаю для этого? И я всегда отвечаю на него коротко и исчерпывающе: «А черт его знает!». То, что мне должно исполниться 105 лет, - не моя заслуга, я ничего для этого не сделал, можете мне поверить, я сам удивлен, но это факт. Я родился в девятнадцатом столетии, а сейчас у нас уже XXI. То есть живу третий век! Но это не в моей власти, не могу же я повеситься.

- А когда вы начали рисовать?

- Ровно сто лет назад, когда мне было всего лишь пять лет. А в четвертом классе реального училища за мной уже прочно закрепилась кличка Карикатурист. Тогда я делал рисунки для рукописного школьного журнала, который редактировал мой брат Михаил, старше меня на два года. Спустя годы он, взяв себе псевдоним Кольцов, станет известным писателем и журналистом. Первая же моя карикатура на председателем тогдашней Государственной думы Родзянко увидела свет в 1916 году в иллюстрированном журнале «Солнце России».

- Как вы восприняли Октябрьскую революцию?

- Ни я, ни мой брат Миша особо не колебались. Встали на сторону большевиков. В первые годы Гражданской войны я работал в Киеве, Харькове, Одессе, заведующим отделом изобразительной агитации ЮгРОСТА, в газете полуправительства 12-й армии, служил в Народном комиссариате по военным делам. Потом поступил в Киевский институт народного хозяйства на железнодорожный факультет, который, кстати, так и не окончил. Таким образом, высшего образования (представьте себе!) я не получил, что не помешало мне стать академиком. В то сложное время мне пришлось много работать в театральных журналах «Зритель» и «Киевская иллюстрация», в газетах «Молот и плуг», «Киевский пролетарий» и пришедшей на смену ему «Пролетарской правде», для которой я придумал заголовок и т.д.

Однако настоящим политическим карикатуристом я стал в 1919 году, когда в Киеве во второй раз уста-

тиях» и «Красной звезде». Это было время незабываемых встреч с Маяковским и Луначарским, Катаевым и Троцким, Каменевым и Калинин, Ильфом и Петровым, Светловым и Твардовским, и многими другими. Практически все известные в те годы писатели или общественные деятели стали героями моего рисунка или шаржа. А в 1928 году я осмелился нарисовать Сталина. Да еще как: узкий лоб - еще уже, усы - еще гуще, сапоги - еще тяжелее. Монстр, одним словом, такой, каким он и был на самом деле. Марии Ильиничне - сестре Ленина - понравилось. Но на всякий случай рисунок решили отправить в Кремль «на визу». Оттуда

Я ведь не Джордано Бруно, чтобы подниматься на костер. Я просто не имел права рисковать всей своей семьей. Приказано нарисовать, пожалуйста, я рисую. Не очень-то красиво, конечно, но мы же говорим о том, что было и как это было. Были такие вещи, что и вспоминать не хочется. Но они - факты моей биографии и моей страны. Эпоха была сложная... Сегодня ты - великий человек, а завтра уже враг народа. Допросы, пытки, гибель...

- Вы много раз встречались с великими людьми XX века. Какая из этих встреч произвела на вас наиболее сильное впечатление?

- Каждая из встреч с ними для меня памятна. Например, с Леонидом Утесовым. Мы с ним подружились еще до того, как он создал свой джаз-оркестр и стал таким популярным. Он просто выступал на эстраде как скрипач. Еще со времен Гражданской войны я знал Троцкого. Последний раз выскочил с ним перед его высылкой из Москвы. Я пришел к нему проститься. И вот, когда я уходил, Лев Давидович снимает с ве-

КРАХ МИРА О НЕПОБЕДИМОСТИ
От горького флюида —
Гибель в горах Кавказа

лов. На этом спектакле присутствовал и мой брат, он сидел где-то в партере. Сталин его заметил. В тот же вечер Миша подробно мне рассказал (он всегда делился со мной впечатлениями, причем у него был талант артистический, он изображал человека, его манеру разговаривать) о том, что тогда происходило в театре. Он мне говорил, что Сталин был в очень хорошем настроении, шутил, а потом обратил внимание на Кольцова и говорит: «Вы бы не хотели сделать для писательской братии доклад о выходе в свет Краткой истории партии? Расскажите, какое значение имеет это для страны».

Через два дня в Центральном доме литераторов, как говорится, яблоку негде было упасть. Кольцов незадолго до этого вернулся из Испании и был овеян впечатлениями от этой страны. Я не мог найти место в зале и поднялся наверх, на хоры, стоял там у барьера и слушал его доклад. Доклад был интересный, яркий. Когда все закончилось, я спустился вниз и говорю: «Миша, может, поедом ко мне, обещаю чай с пирогами». Он говорит: «А с пирожными это неплохо, но у меня еще дела в редакции, я должен поехать в «Правду». На этом мы и разошлись, оказалось, навсегда. Его секретарша Валя Ионова потом рассказывала, что когда он приехал в «Правду», то зашел к себе в кабинет, снял пальто и говорит: «Валечка, будьте добры, стакан чая покрепче и погорячее, а я пойду пока к Коровинскому» (это был второй заместитель редактора). И буквально через несколько минут он идет обратно. Был он каким-то бледным, надел пальто и собрался уходить. Валя спрашивает: «А как же чай?». Он отвечает: «Чай потом». И ушел, его уже ждали. Он немного оторопел, когда ему показали ордер на арест, подписанный Берией. Миша взялся за телефон, чтобы позвонить, вероятно, Сталину. А тот, который за ним приехал, сказал: «Там знают». И - все.

А ведь именно Михаил Кольцов одним из первых в стране написал о фашистах, о войне в Испании. Кольцо-ва называли Мигелем - легендарным героем Испании. Писатель Всеволод Вишневский так говорил в то время: «Мы дали Испании танки. Мы дали Испании самолеты. Мы дали Испании Михаила Кольцова».

Дали, но от красного террора не спасти.

- А почему Сталин оставил вас, Борис Ефимович, на свободе?

- Честно скажу - не знаю. Для меня это до сих пор неразрешимая загадка. Нисколько не сомневаюсь, что «дело» на меня в те годы уже заготовили, ждали только личного указания. Ведь я тогда уже был достаточно известным человеком. Видимо, Сталин сказал: «Нэ-э трогать». И меня «нэ-э трогали», оставили в покое. Хотя никакого душевного покоя у меня не было до самой смерти тирана. Сегодня, конечно, уже не пасмурное время, но при-стрельное, взрывоопасное. Убивают в машинах, в подъездах, взрывают жилые дома, захватывают заложников. Ужас какой-то...

- Есть ли такое понятие «любовь карикатуриста к персонажам»?

- Да, есть. Это странная любовь. Не такая, например, какой любят прекрасных дам. Мне нравилось изображать Черчилля, де Голля, Гитлера, показывать их читателям. И они привакали к трактовке образа. Может быть, это нескромно, но я придумал знаменитый образ руководителя гитлеровской пропаганды Геббельса - с хвостиком, как у Микки Мауса. Мои карикатуры на него печатались и до войны, и в годы войны в газете «Красная звезда». Во время войны не все лежали в снегу с автоматами. Каждый принимал участие со-ответственно своей профессии. Я был журналистом-фронтовиком. Часто выезжал на передовую с такими писателями, как Константин Симонов, Василий Гроссман, Александр Кривичкий, журналистом Юрием Жуковым, и другими. Я дружил с ними. Все носили военную форму, и я тоже. Имел даже звание майора.

О том, что в военную пору мои карикатуры имели «убойную силу», говорит тот факт, что сам Гитлер занес мое имя в черный список людей, которых надо «найти и повесить».

- Как вы относитесь к жанру карикатуры сегодня?

- Сейчас в силу возраста и обстоятельств я не являюсь тем злободневным художником, чтобы утром произошло событие, а к вечеру был готов и даже опубликован рисунок, шарж. Все зависит от эпохи, от времени, сейчас совсем не то, как было когда-то, как было само собой разумеющимся.

- Вы когда-либо в жизни кому-нибудь завидовали?

- Наверное, завидовал, но не помню кому. Завидовал Сталину, потому что у него была вся власть. А вот на вопрос: «Была ли между мной и моими друзьями и коллегами Кукурынками конкуренция?», отвечаю так: «Никогда. Тем и сюжетов для карикатур хватало на всех. Они рисовали. Я рисовал. Иногда эти сюжеты совпадали. Но ведь каждый-то рисовал по-своему. Дружба между нами завязалась еще в 1925 году. И на всю жизнь. А как мы вместе работали на Нюрнбергском процессе, какие карикатуры тогда рисовали...

- А сейчас вы рисуете?

- Рисую. Но это так аполитично, что если я вам покажу свой последний, на китайские темы, рисунок, то вы просто чем-нибудь в меня запустите.

- Сколько же всего вы нарисовали карикатур?

- Начните отсчет с 1919-го, нет - с 1916 года, помните, однажды писатель Олеша воскликнул: «Ни дня без строчки!». Так вот, и у меня не было ни одного дня, чтобы я не нарисовал карикатуру, а то и две - пять - десять. Сейчас, правда, пишу просто рисунки на волновые темы, например старичок-китаец с деревом - символ долголетия, а эта жгучая испанка - символ любви, красоты...

Я подсчитал, сколько за всю свою вековую творческую жизнь Борис Ефимович Ефимов создал карикатур и рисунков. Оказалось, более сорока тысяч! Тут уж, как говорится, ни убавить, разве что только прибавить...

Здоровья вам, дорогой Борис Ефимович, и новых творческих успехов!

Лев РУДСКИЙ
Фото автора

новилась советская власть. Своей колыбелью как сатирика считаю газету «Красная армия», напечатанную именно тогда, в 1919 году, мои первые политические карикатуры.

- Когда вы приехали в Москву?

- В 1922 году - по настоятельной просьбе брата, работавшего тогда в газете «Правда». Я тоже начал в «Правде», потом - в «Извес-

пришла лаконичная резолюция: «Не печатать». Больше я никогда не решался так рисковать по поводу образа Хозяина. Тем более что к тому времени был уже четко определен круг дозволенных сатирику тем, которые сводились к тому, чтобы изображать пережитки капитализма, «отрыжки» прошлого, бюрократов, лентяев, внешних врагов и их приспешников.

шалки пальто и держит его за моей спиной. Смущенный такой любезностью, я никак не мог попасть в рукава. Сам Троцкий подавал мне пальто! Уму непостижимо.

Мне довелось провожать в последний путь и поэт-трибуна Владимира Маяковского. Его судьба, конечно, трагична. Я был одним из последних, кто его видел в гробу. Я спустился в крематорий, вниз. Там уже был Михаил Кольцов, мой брат, он всюду был первым. Я прильнул к глазку и увидел прямо перед собой гроб с телом Маяковского. Он выглядел очень хорошо, как спящий. Маяковский в разные периоды жизни или брил голову, или отпускал шевелюру. В то время у него была огромная красивая шевелюра. Я видел своими глазами, как раскрылись ворота и гроб двинулся. Маяковский лежал головой вперед, и я увидел, как вспыхнула его шевелюра.

- Говорят, вы причастны к созданию знаменитой эпиграммы на тогдашнего президента США Вудро Вильсона, который, будучи в политическом вояже по странам Европы, не удосужился захватить в Россию: «Когда мы мыслим мудро, / Пригрезится любви ль сон, / О нас не помнит Вудро - / В Париж уехал Вильсон».

- Я долго работал над символом Америки - образом дяди Сэма. Было время, когда мы восхищались американской деловитостью, практичностью. Но шли годы, менялась политическая обстановка, менялись и взгляды. В годы Великой Отечественной войны Америка не спешила открывать Второй фронт. А после окончания Второй мировой войны наступила пора хо-

лодной войны. И снова раз США и дяди Сэма менялся.

- У вас на стене висит великолепный портрет Михаила Кольцова кисти Исаака Бродского. Перед войной вы потеряли вашего брата. Как вы узнали о его гибели?

- Началось с того, что в Большом театре шла опера «Садко». Туда, в царскую ложу, не ту, которая напротив сцены, а в ту, что близко возле сцены, приехали Сталин, Молотов, Вороши-

ВЫСОК (Геббельс) СТРОЕН (Геринг) БЕЛОКУР (Гитлер)